

Как незаметно быстро пролетают дни во время школьных каникул! Подгоняемые ожиданием чего-то интересного, они торопливо сменяют друг друга, оставляя прошедшие события в памяти их участников. Со времени похода на Кизир прошло полтора месяца. И новый поход! Теперь выбор будущих девятиклассников остановился на Шиндинском пороге. До него дальше, чем доезжали во время прошлого путешествия. Почти до места можно доехать на машинах. Дорога доходит до Шиндинского моста, а дальше уходит на правобережье Чинжебы, левого притока таёжной красавицы Шинды. Ещё более «убитая» дорога идёт по правобережью самой Шинды, доходя до устья другого притока — реки Балахтисон. От места, докуда доехали во время прошлого похода, оставалось добираться менее двадцати километров. Пеший участок оказался менее километра. Всех участников этого похода на пяти личных легковых машинах привезли папы туристов.

Заранее было оговорено, что, проезжая мимо моста, сделают остановку. Мост превзошёл все представления о нём. В лесной глуши он оказался не деревянным, как через другие речки и ручьи на их пути, а железобетонным. Вдвойне поразило детей, что он не уступает тем, которые служат на оживлённых автострадах: мост оказался двухполосным. Кто-то сообщил, что за мостом есть небольшая избушка. Алексей Петрович, папа Серёжи, кивнул в ответ, что знает о её существовании.

Машины вернулись в посёлок — папам, кроме Серёжиного, завтра выходить на работу. Около воды, вблизи нижней оконечности порога, отыскивали площадку для палаток и шалашей. Черёмуха на вид спелая, но её чернота оказалась

обманчива — ягоды вязали во рту, и на них перестали обращать внимание. На противоположном берегу в долину реки врезались невысокие горы. Хорошо видно, что выше по течению, в пороге, они подступили к воде. Правобережье не менее холмистое, на нём горные складки, словно ступни богатырей, омываются быстрым течением.

Трёх-четырёхметровые полоски каменистых берегов в беспорядке выложены природой из отшлифованного водой скальника. Дальше от воды травы и ивняк мало чем отличались от тех, какие юные туристы видели на шивере во время прошлого похода. Как и там, на кустах ивняка всюду виднелась принесённая в половодье засохшая трава. От обоих берегов в глубь бесконечной тайги уходил предгорный смешанный лес. Ели оцетинились своими верхушками на ближних возвышенностях, а дальние горы показались однородными и тем более голубыми, чем дальше они были. Отличие же было в том, что русло здесь сузилось метров до сорока, уклон реки заметно круче, течение более стремительное, а валуны и чаще, и по размерам больше.

Там, где огромные каменные плиты сближались так близко, что для воды оставались проходы шириной менее трёх метров, подпёртая ими вода с рёвом на огромной скорости проваливалась с метровой высоты. Шлейф пены уносился потоком, а на прежнем месте рождались новые шапки пены. Над такими ступенчатыми потоками кое-где нависали огромные стволы деревьев, вырванные течением в верховьях и принесённые сюда, в большую воду, с корнями и ветками.

Алексей Петрович, сдружившийся с ребятами, объяснил, что в половодье многие валуны оказываются под водой и вода перетекает даже через те из них, которые выступают сейчас из воды на два метра.

— Вот такой напор воды в пороге во время половодья, — пояснил рассказчик.

Летом вода в пороге не буйствует, но, проплывая по нему на лодке, надо быть внимательным ничуть не меньше, чем в половодье. Особенная осторожность нужна при спуске, к скорости лодки, даже на малом газу, существенную добавку даёт скорость течения. Это не самый свирепый порог из тех, что встречаются на Кизире и его притоках, но новичку

самостоятельно лучше не входить в него, пока не изучит подробности, проплывая с кем-нибудь из бывалых рыбаков.

— А как меняется нрав реки со сменой времён года! — восторженно добавил Василий Васильевич.

И Алексей Петрович продолжил своё повествование о Шинде:

— И не только со сменой времён года. Чуть выше нас, в пороге, река необузданно своенравная, буйная, даже взбалмошная, непреодолимая для новичков. С дикой яростью она набрасывается на преграды, рокочущая и пенящаяся. Свальные течения бьют под скалы, занося туда, переворачивают лодки неопытных туристов. Огромные валуны порождают водовороты. Всё бурлит, дыбится пульсирующими валами, в провалах между которыми скрывается лодка. Моторы надрывно ревут, выталкивая судёнышко на полутораметровые гребни. В пороге вода словно кипит. И всё это сопровождается рёвом несущегося на огромной скорости, будто взбесившегося, потока.

На плёсе, совсем рядом, река покоряет своей статью, необыкновенно спокойна, приветлива, с неторопливо-размеренным движением вод. А какой приятный голосок здесь у неё! Злой рёв, характерный для порога, сменяется на успокаивающее душу журчание русской красавицы из таёжной глубинки.

— Теперь всем ясно, что река, как и человек, готова ко всяким проявлениям своего характера, и всё зависит только от ситуации, в которой мы видим её,— подытожил учитель Васькин.

Одни установили палатки, другие соорудили шалаши, третьи занялись заготовкой дров для костра, а трое ребят с Алексеем Петровичем пошли промышлять рыбу для ухи. Настоящий рыбак, идя на рыбалку, не берёт тушёнку или рыбные консервы, а варит уху из свежей рыбы. И разве охота кому-нибудь показаться ненастоящим рыбаком?!

Рыбалка в пороге имеет свою специфику. Надо приловчиться и набить руку, чтобы не оборвать блесну, задев за один из многочисленных валунов и подводных камней, которые невозможно увидеть среди бурлящего, несущего пенящиеся валы речного потока. Без неприятностей не

обошлось. Сашка в пороге оборвал две блесны, Серёжка — одну, но какую! Ту самую, на которую в прошлый раз у него клюнул таймень-великан! От досады хотелось плакать. И заплакал бы, если б по пятам не ходили девчонки, считающие его, Серёжку, везунчиком на рыбалке.

Неожиданно к шуму водных масс, доносящихся с порога, и к шелесту листвы деревьев на краю полянки примешался новый звук. Он не был монотонным, но это был звук высокий, по-волчьи воющий. Звук приближался и становился отчетливее. Прислушавшись, учитель высказал свою догадку:

— Кто-то поднимается по шивере за плёсом. Кажется, идут на двух моторках. Скоро будут здесь.

Ребятня приблизилась к берегу, чтобы увидеть выходящие из-за поворота лодки. Их, как и предполагалось, оказалось две. Три человека на одной и четверо на другой, не сбавляя газа, прошли мимо юных отдыхающих, помахав руками на аналогичные приветствия с берега.

Алексей Петрович, ушедшие с ним мальчишки и двое из девочек, неотступно следующих за рыбаками, из-за шума порога услышали приближающийся караван из двух ПВХ лодок лишь тогда, когда те были в паре сотен метров от рыбаков. Если винты переваливающегося через вал судёнышка оказывались над водой и хватали воздух, сумасшедший рёв моторов, и без того надрывно ревущих, резал дали таёжной глухомани. И тут же через нос в лодку заплёскивалась вода от буруна, в который врезалось судёнышко, скатывающееся с гребня волны. Сначала в одной, а вскоре и в другой лодке пассажиры пересели ближе к корме, чтобы облегчённый нос приподнялся и меньше подныривал под буруны.

До наступления темноты успели всё: и рыбы для ухи наловить, и места для ночлега подготовить, и поужинать такой вкусной ухой, какой она бывает только приготовленная на костре у воды.

После ужина, по просьбам учеников, Василий Васильевич, самый классный из классных руководителей, поведал детям о новых историях своего детства.